

К ИСТОРИИ НАУКИ

УДК 092:562:549 (470)

ГЕРМАН АДОЛЬФОВИЧ ТРАУТШОЛЬД
(к 185-летию со дня рождения)

И.А. Стародубцева, В.В. Митта

Г.А. Траутшольд.

В 2002 г. исполнилось 185 лет со дня рождения Германа Адольфовича Траутшольда — выдающегося отечественного естествоиспытателя, педагога, блестящего популяризатора науки. Наибольшую известность ему принесли труды в области палеонтологии и стратиграфии юрских отложений России: из 167 опубликованных им работ более 40 посвящены этой проблеме. Многие описанные им таксоны различных ископаемых: губок, двустворчатых моллюсков, аммонитов, морских лилий и др. признаются современными исследователями.

Биографические сведения. Г.А. Траутшольд (Hermann Trautschold) родился в Германии 17 сентября 1817 г. После окончания гимназии в течение шести лет готовился к аптекарскому званию. Затем, прослужив один год в “прусском войске”, он поступил в Берлинский университет для изучения естественных наук. В Берлине Траутшольд был ассистентом известных в то время ботаников Г.-Ф. Линка (H.-F. Link) и К.С. Кунта (K.S. Kunth), а затем в Гессене занимался химией, физикой, минералогией и кристаллографией. Около двух лет Траутшольд ассистировал знаменитому химику Ю. фон Либиху (J. von Liebig). В 1846 г. он получил степень доктора философии Гессенского университета [8]. В этом же году Г.А. Траутшольд впервые приехал в Россию вместе с семьей богатого костромского помещика Ф. Лугинина. Лугинин, по совету профессора Московского университета Н.Э. Лясковского, пригласил Траутшольда в качестве воспитателя к своим сыновьям и “благодаря влиянию Траутшольда <...> у них появилась любовь к научным занятиям”, а один из них, В.Ф. Лугинин, стал экстраординарным профессором Московского университета и почетным доктором химии, сохранив с Г.А. Траутшольдом на всю жизнь дружеские отношения [7, с. 92—93].

В 1848 г. Траутшольд вернулся в Германию, где “принял управление частным высшим заведением (с 1849 до 1857 г.). В 1857 г. Г.А. снова отправился в Россию и уже надолго остался в ней. Первоначально он поступил воспитателем в дом Ахлестышевых, а затем, позднее, в 1863 г. получил место лектора немецкого языка при физико-математическом и медицинском факультетах Московского университета” [8, с. 72—73].

С 1857 г. Г.А. Траутшольд неустанно занимается изучением геологии России. А.П. Павлов отмечал, что этому увлечению “не мало содействовала тесная дружба, связывавшая его с известным московским геологом Ауэрбахом, преподавателем геологии в Константиновском межевом институте и в Петровской землемельческой академии” [14, с. 32].

Через десять лет Г.А. Траутшольд стал крупным специалистом в области палеонтологии юрских отложений Подмосковного бассейна. Для консультаций к нему обращался известный петербургский геолог Н.И. Барбот-де-Марни, который проводил в то время геологические изыскания на севере России.

Он писал, что в бассейне Вычегды “собрали наибольшее количество юрских окаменелостей. Для ближайшего определения их я обратился к Г.А. Траутшольду, столь хорошо знакомому с окаменелостями московской юры” [3, с. 249].

В 1868 г. Г.А. Траутшольд был приглашен на кафедру минералогии и геогнозии Петровской земледельческой и лесной академии [8].

Н.П. Вишняков¹, знавший Г.А. Траутшольда лично, писал в своих воспоминаниях: “Приглашение на кафедру Академии он получил <...> через директора Академии Николая Ивановича Железнова, лица в то время пользовавшегося большим влиянием” [36, л. 4]. В том же году Г.А. Траутшольд был избран экстраординарным профессором академии и допущен к чтению лекций по геологии и минералогии, но “временно и по найму”, так как не имел “степени магистра академии или одного из русских университетов”. Отсутствие у Траутшольда такой ученой степени дало повод Министру государственных имуществ приказать объявить конкурс для замещения должности профессора кафедры геологии академии. Членами Совета академии на заседании 24 января 1868 г. было высказано мнение, что конкурс на замещение вакантной должности преподавателя объявляется только в том случае, если выбор Совета не остановился ни на одной из предложенных кандидатур. “В настоящем же случае Советом Академии почти единогласно избран г. Траутшольд, а потому объявление конкурса не должно иметь места” [5, с. 1]. На этом заседании Г.А. Траутшольду было предложено получить степень магистра, так как иначе он не может быть зачислен в число постоянных преподавателей Академии. Тогда же постановили “допустить г. Траутшольда <...> до преподавания в Академии Минералогии и Геологии <...>, а по приобретении им степени магистра представить его на утверждение г. Министра в должности экстраординарного профессора” [5, с. 4].

В 1869 г. в Дерптском университете Г.А. Траутшольд защитил магистерскую диссертацию на тему: “Ueber säculare Hebungen und Senkungen der Erdoberfläche”, а в 1871 г. — докторскую “Der Klinische Sandstein”, получил степень доктора минералогии и в этом же году был избран, а затем и утвержден ординарным профессором Петровской земледельческой и лесной академии [6, с. 60].

Г.А. Траутшольд, по воспоминаниям Н.П. Вишнякова, объясняя свои защиты в Дерптском, а не в Московском университете, говорил: «Покуда я был только лектором немецкого языка <...> Щуровский благоволил ко мне, навещал меня и интересовался моими работами. Очень лестное обо мне мнение он высказывал не раз и печатно в своих сочинениях. Когда же, при содействии Железнова, я получил

кафедру в Академии, он дал мне понять, что этого он не одобряет, и стал меня сторониться. Между тем у меня было дело, которое зависело отчасти от него. Разумеется, интересы мои требовали, чтобы меня назначили не доцентом, а ординарным профессором, а для этого мне было необходимо заручиться русским дипломом на степень доктора, которого у меня не было. Я сознавал, что на благосклонность Щуровского в данном случае нельзя рассчитывать, а потому мне и не улыбалась перспектива защищать диссертацию при Московском университете, ставя себя в зависимость от Щуровского. По совету Н.Э. Лясковского и других расположенных ко мне профессоров, я избрал другой путь: имея уже докторский диплом из Гессена и написавши немало работ по геологии России, я мог надеяться, что меня избавят от написания новой диссертации и дадут мне почетное докторство по постановлению Совета. Но без Щуровского все-таки обойтись было нельзя, и мои друзья решили его прозондировать. Ответ его был отрицательный: он отказался поддерживать подобное предложение в Совете. Когда же задумали войти с предложением помимо его, он узнал об этом и будто бы сказал: “Если это сделают, я даю слово разобрать по косточкам писания г. Траутшольда и доказать их несостоятельность”. Нечего делать! Мне пришлось писать диссертацию и ехать в Дерпт защищать ее. Признаюсь, я совершенно не понимаю причины недоброжелательства Щуровского ко мне: ни в чем я себя не могу упрекнуть по отношению к нему, всегда был с ним любезен, никогда его не задевал. Особенно удивила меня его угроза — разнести меня. Каковы бы не были недостатки моих работ, именно ему, Щуровскому, было бы неудобно атаковать их после тех лестных отзывов, какими он сам меня удостаивал прежде. Иначе вышло бы так, что сегодня он назовет вещь белой, а завтра станет утверждать, что она черная» И далее Н.П. Вишняков, возможно верно, заметил: “Может статься, Щуровскому, всю жизнь прожившему доктором медицины, было вообще неприятно, что Траутшольд получил ученую степень доктора геологии, которой у него самого не было” [36, л. 6—7].

Двадцать лет Г.А. Траутшольд преподавал в Петровской академии, совмещая педагогическую деятельность и научную работу. В 1888 г. он вышел в отставку. А.П. Павлов в качестве сверхштатного доцента занял его место на кафедре минералогии и геологии Петровской академии [34, л. 17].

Научная деятельность. В сферу научных интересов Г.А. Траутшольда входило прежде всего изучение юрских и каменноугольных отложений Центральной России, он занимался также палеонтологической обработкой “остатков позвоночных животных из различных геологических образований России, в этой

¹ О естествоиспытателе XIX в. Н.П. Вишнякове см. [10].

последней области он долгое время был почти единственным русским специалистом” [38, с. 737].

С 1858 по 1861 г. Г.А. Траутшольд опубликовал серию статей, посвященных московской юре [41–46]. Он описал ископаемые из юрских отложений Котельников, Дорогомилово, Гальево, Мневников, Хорошово, разделил московскую юру на три яруса и сравнил их с западноевропейскими эквивалентами, рассмотрев условия образования каждого яруса. Он составил список всех известных к тому времени ископаемых московской юры и привел их распределение по ярусам. В начале 1860-х гг. началась дискуссия между Г.А. Траутшольдом и Э.И. Эйхвальдом о возрасте и делении московской юры. Эйхвальд [39, 40] опубликовал две статьи, посвященные юрским отложениям Москвы. В первой из них он отнес “зеленые пески Хорошово” (верхний ярус юрской формации по К.Ф. Рулье и Г.А. Траутшольду) к меловым образованиям, а во второй причислил к меловым отложениям и черные глины с *Ammonites virgatus* (ярус с *Ammonites virgatus* по Рулье и “средний ярус” юрской формации по Траутшольду). Это вызвало возражения Траутшольда, который отстаивал юрский возраст этих отложений [25, 47].

В 1863 г. была издана в типографии Московского университета отдельной брошюрой работа Г.А. Траутшольда “Nomenciator palaeontologicus der Jurassischen Formation in Russland”, которую он опубликовал годом ранее в “Бюллетене МОИП” [48]. К ней прилагалась составленная им первая цветная палеогеографическая карта России под названием “Вероятное распределение суши и моря в юрское время на Европейской России, представленное на основе геогностической карты Р. Мурчисона”. Г.Е. Щуровский писал, что это не что иное, “как попытка на основании научных данных представить, что было сущим в России и что морем в тот геологический период, когда происходило образование юрской формации” [37, с. 59]. Позднее Ю.Я. Соловьев и В.В. Тихомиров подчеркнули, что в изданной почти через 100 лет в 1961 г. палеогеографической карте позднеюрского времени в “Атласе литолого-палеогеографических карт Русской платформы и ее геосинклинального обрамления” очертания суши и моря “оказались очень сходными с картой, опубликованной Траутшольдом” [20, с. 55].

С 1861 г. Г.А. Траутшольд начал изучать юрские отложения и других районов Средней России. Сначала он предпринял поездку в Дмитриевы Горы на Оке во Владимирской губернии, а в 1863–1865 гг. проводил исследования в Среднем Поволжье – между Ундорами и Симбирском и в окрестностях Кашпира (ныне – пос. Кашпир). Г.А. Траутшольд провел литостратиграфическое расчленение юры Поволжья на четыре яруса и первым из отечественных естествоиспытателей сопоставил юрские слои Поволжья и окрестностей Москвы. А.П. Павлов, отмечая эти исследования Г.А. Траутшольда, писал в

1901 г.: “Проф. Траутшольд несомненно оказал науке крупную услугу, установив точную параллизацию для этой эпохи между юрскими отложениями Симбирска, лежащими в основании неокома, и таковыми окрестностей Москвы, равно как опубликовав хорошие изображения неокомских и алтских ископаемых, что создало предпосылки для сопоставления форм и исправления их определений” [15, с. 208].

В 1865 г. Г.А. Траутшольд предложил стратиграфическую схему юрских отложений Центральной России. Он разделил их на четыре яруса и сопоставил их с ярусами, выделенными в Западной Европе. Самые нижние слои русской юры с *Ammonites Tscheffkini* [= *Rondiceras tscheffkini* (d’Orbigny)], *A. lunula* [= *Hecticoceras lunula* (Reinecke)], *A. Lamberti* [= *Quenstedtoceras lamberti* (Sowerby)] он отнес к келловею. К оксфорду он причислил отложения с *Ammonites alternans* [= *Amoeboceras alternans* (von Buch)], *A. cordatus* [= *Cardioceras cordatum* (Sowerby)]; к кимериджу – “виргатовые” и “ауцелловые” слои, “иноцерамовую” глину считал одновозрастной с портландом [49]. Таким образом, в предложенном им делении юры Центральной России нижние слои были правильно сопоставлены с келловеем и оксфордом Западной Европы, но впоследствии он такого деления не придерживался.

В следующем году Г.А. Траутшольд выделил в юрских отложениях окрестностей Москвы слой оливково-зеленых песков, в котором “*Ammonites fragilis* встречается вместе с *Ammonites fulgens*”. Этот слой, по его представлениям, залегает выше “ауцеллового слоя” в Хорошово и является самым верхним в московской юре [50, С. 19]. Но стратиграфическое положение этого слоя было им определено неверно. Ошибка вызвана, по мнению С.Н. Никитина, тем, что Траутшольд принял за нормально залегающие слои “громадный и местами опрокинутый оползень, лежащий на 8–10 метров ниже своего коренного первоначального положения” [11, с. 92]. В работах современных исследователей этот слой рассматривается как нижняя зона верхневолжского подъяруса – *Kachprites fulgens*, а Траутшольд признан автором этой зоны.

В 1867 г. Г.А. Траутшольд [51] опубликовал работу, посвященную ископаемым из каменноугольных отложений окрестностей Москвы, в которой установил новые виды морских лилий – *Hydrocrinus pusillus*, *Cromyocrinus geminatus* [= *Moorecrinus geminatus*], *Cromyocrinus simplex*, *Forbesiocrinus incurvus* [= *Synerocrinus incurvus*], *Poteriocrinus multiplex* [= *Moscovicrinus multiplex*]; при этом часть видов была отнесена им к новым родам – *Hydrocrinus* и *Cromyocrinus*, признаваемым современными исследователями. В числе описанных им в этой работе ископаемых и паразитирующие на морских лилиях брюхоногие *Capulicus parasiticus* [= *Platyceras parasiticum*].

Среди работ Г.А. Траутшольда нельзя не упомянуть о геологических исследованиях, проведенных им в Московской губернии в 1866—1870 гг. по поручению Минералогического общества. В 1870 и 1872 гг. были опубликованы составленные Траутшольдом геологические карты на юго-восточную, юго-западную и северную части Московской губернии со специальными комментариями [24—26]. Он привел “Схематический разрез формаций в Московской губернии”, в котором подмосковную юру разделил на четыре яруса, объединив в нижнем келловейские и оксфордские отложения [26].

К.О. Милашевич писал по этому поводу, что “при тогдашнем состоянии геологических исследований весьма понятно то место, которое было дано им [келловейскому и оксфордскому ярусам. — Прим. авт.]; ни стратиграфические, ни палеонтологические отношения этих пластов не были выяснены с точностью, поэтому оставалось только причислить их к самому нижнему Московскому ярусу, т.е. горизонту с *Ammonites alternans*, с которым они представляют ближайшее сходство”. В то же время он указал, что такое объединение имело вредные последствия при попытке скоррелировать юрские отложения Средней России с западноевропейскими, и Г.А. Траутшольд вынужден был признать, что нижний ярус “эквиалентен всей средней и половине верхней юры в Западной Европе, т.е. параллелен Bathonien, Callovien, Oxfordien” [9, с. 135]. Милашевич отметил, что только М. Неймайр разделил нижний ярус на келловей и оксфорд.

Более резко по поводу объединения Г.А. Траутшольдом в один ярус оксфордских и келловейских отложений высказался С.Н. Никитин: “Стремление Траутшольда игнорировать самостоятельность самого нижнего (четвертого) яруса Рулье привело к целому ряду ошибок, отрицанию в Московской губ. существования значительной толщи келловейского яруса и запутанность в познании фауны русского оксфорда” [13, с. 279].

Надо заметить, что Г.А. Траутшольд очень часто подвергался резкой критике С.Н. Никитиным за ошибки, допущенные в стратиграфии. Например, Траутшольд считал пермскими известковистые полосатые красные и зеленоватые глины, развитые в окрестностях Москвы из-за литологического сходства их с пестрыми мергелями бассейна Волги и Оки. С.Н. Никитин писал, что “во всех новейших работах эти слои относятся им [Траутшольдом] к пермской системе <...> Между тем уже весьма старинные данные, по обыкновению в работах Траутшольда не только не разбираемые, но и неупоминаемые вовсе, доказывали существование точно таких же полосатых мергелей среди верхнего яруса каменноугольного известняка” [11, с. 94]. В настоящее время эти глины относятся к касимовскому ярусу верхнего карбона.

По воспоминаниям Н.П. Вишнякова, Траутшольд адекватно реагировал на критику: “Меня бранят, как будто я кому-нибудь мешаю. Я сделал, что мог, а они пусть делают лучше, если могут. Я первый буду радоваться, если они исправят мои промахи” [36, л. 6]. Далее Вишняков справедливо замечает, что “требовалась известная умственная и нравственная высота, чтобы большую часть своей жизни неуклонно преследовать научные идеалы при данной обстановке. Благодарная и приятная задача — посвятить себя всецело научной деятельности, живя в каком-нибудь крупном культурном центре. Как облегчен труд исследователя там, где все сосредоточено, чтобы его ободрить, подать руку помощи, где живут специалисты по всем отраслям знания, готовые войти в обмен мыслями, дать указания или справки, где существуют большие, хорошо содержимые музеи, лаборатории, библиотеки?! Как живительно должно действовать сознание причастности к работе в большой культурной семье! Траутшольд не мог рассчитывать ни на что подобное, живя в Москве. Весь московский период своей жизни он прожил в научном отношении один-одинешенек. Опираться было не на кого” [36, л. 6].

Несомненной заслугой Г.А. Траутшольда являются его работы, посвященные ископаемым из юрских и нижнемеловых отложений Центральной России. Из этих отложений Г.А. Траутшольд описал, по подсчетам С.Н. Никитина, 250 видов окаменелостей [13]. Некоторые установленные им виды аммонитов — *Ringsteadia cuneata*, *Kachpurites fulgens*, *Craspedites subditus*, *Speetoniceras versicolor* — стали зональными индексами для оксфордского, волжского и готеривского ярусов. Г.А. Траутшольд — автор крупных работ по ископаемым из каменноугольных отложений окрестностей Москвы, напечатанных в мемуарах Общества в 1874, 1876, 1879 гг. Большинство известных из этих отложений видов морских лилий и рыб впервые были описаны Г.А. Траутшольдом. Недаром Н.П. Вишняков назвал его “Колумбом, открывшим целую фауну Мячковского горного известняка с роскошными новыми видами морских лилий и остатков рыб” [36, л. 5].

Педагогическая деятельность. С 1868 по 1888 г. Г.А. Траутшольд преподавал в Петровской землемельческой и лесной академии, где читал лекции по геологии и минералогии, проводил со студентами геологические экскурсии и заведовал минералогическим кабинетом.

Как заведующий минералогическим кабинетом академии Г.А. Траутшольд вел большую работу для пополнения его коллекций. Он собирал минералогические и палеонтологические образцы не только в России, но и привозил их из заграничных поездок. Траутшольд вывез из-за границы “метеоритный камень”, упавший в Гессли (Швейцарии) в 1869 г., и передал его в минералогический кабинет академии. В заседании Совета академии, проходившем в ок-

тябре 1874 г., решалось: “Изъявить благодарность за содействие к обогащению коллекций и библиотеки Академии г. Профессору Траутшольду” [33, л. 17].

В своей преподавательской деятельности Г.А. Траутшольд столкнулся с тем, что в России не было учебников по геологии, которые бы удовлетворяли требованиям современной науки. Г.А. Траутшольд взялся восполнить этот пробел в учебной геологической литературе и составил учебник “Основы геологии”, три части которого были опубликованы соответственно в 1872, 1875 и 1877 гг. При написании учебника Г.А. Траутшольд пользовался как сочинениями виднейших геологов того времени — Ч. Лайеля, Р. Мурчисона, А.А. Кейзерлинга, Г.В. Абиха, так и начинающих исследователей, в том числе В.О. Ковалевского, а также включил туда и результаты собственных исследований. Он писал: “Я старался главным образом передать все положительные исследования, выработанные уже в науке, но не пренебрег и гипотезами, и теориями — этими вожаками, ведущими лучшим и кратчайшим путем к цели научных изысканий и стремлений” [27, с. V].

Первая часть учебника “Геогения и геоморфия” содержит сведения о минералах, горных породах и условиях их образования, гидросфере, атмосфере, вулканических явлениях и землетрясениях, здесь же даны представления о формах рельефа, условиях залегания горных пород и об образовании рудных жил [27].

Вторая часть “Палеонтология” [30] состоит из двух разделов — “Палеозоография” (описание ископаемых животных) и “Палеофитография” (описание ископаемых растений). Учебник хорошо иллюстрирован, содержит более 300 изображений ископаемых остатков животных и растений. Во введении к этой части Траутшольд отметил, что в русской литературе еще нет пока учебника по палеонтологии, которая “представляет особенно важное значение для Европейской России, так как материк ее состоит, по большей части, из морских осадков, весьма богатых всякого рода ископаемыми” [30, с. I]. В той части учебника, где речь идет о млекопитающих, он упоминает об исследованиях В.О. Ковалевского. Л.Ш. Давиташвили впоследствии указал, что это “первое упоминание имени В.О. Ковалевского в русской и мировой учебной литературе. В то же время — это единственное упоминание В.О. в русской учебной литературе дореволюционного времени” [4, с. 374].

Третья, заключительная, часть учебника “Стратиграфия” [31] состоит из трех разделов. Первый посвящен геологическим формациям Европейской России, во втором разделе кратко излагается стратиграфия, третий представляет собой краткий очерк истории развития органического мира. Эту часть учебника Г.А. Траутшольд сопроводил пятью упрощенными палеогеографическими картами: “Русский материк во время каменноугольной формации”,

“Распределение воды и суши во время пермского периода”, “Распределение воды и суши во вторую половину юрского периода”, “Распределение воды и суши во время медового периода”, “Распределение воды и суши для середины третичного периода”. Эти карты подробно проанализированы Ю.Я. Соловьевым, который показал место и роль Г.А. Траутшольда в становлении отечественной палеогеографии [19, с. 155—161].

Г.А. Траутшольд, имея богатое личное палеонтологическое собрание и большую библиотеку, не отказывал в консультациях начинающим палеонтологам. За помощью к нему обращались С.Н. Никитин и Н.П. Вишняков, с его коллекциями знакомился И.Ф. Синцов. Из воспоминаний Н.П. Вишнякова: “Вместе со своей женой, тоже коренной немкой, бывшей гувернанткой, Траутшольд занимал казенную квартиру в Петровско-Разумовском, за церковью направо. У него было небольшое собрание окаменелостей иностранных и очень хорошее, точно определенное собрание окаменелостей русских, которое главным образом меня и привлекало. В нем я находил проверку моих собственных определений в связи с умными указаниями Траутшольда, опиравшимися на его библиотеку. Никогда мне не забыть тех счастливых часов, которые я проводил в обществе этого умного, глубоко образованного и симпатичного человека и его радушной супруги в их скромном жилище. С каким, бывало, отрадным чувством входишь в их чистенькую светлую приемную с цветущими гелиотропами и цикламенами на окнах — любимыми цветами хозяйки! Небольшой кабинет представлял уютный уголок настоящего ученого с книжными шкафами вдоль стен, высокой конторкой для письма посередине и столом, заваленным грудой книг и брошюр. Из окон открывался обширный вид на поля и рощи. Кабинетик этот был любимым нашим местопребыванием во время моих, увы!, довольно редких наездов в Разумовское. Тут мы изучали окаменелости, сличали их с типическими образцами, спорили, пока не появится достойная Розалия Карловна звать нас в столовую на чашку кофе... Понемногу я сердечно привязался к этим милым и простым людям и приобрел и их расположение, которое меня более никогда не покидало. Тридцать лет продолжалась наша дружба, оставаясь неизменной при всяких обстоятельствах. И кончилась только со смертью обоих стариков” [36, л. 4—5].

Научно-популярные работы. Г.А. Траутшольд — автор ряда научно-популярных статей, опубликованных в “Вестнике естественных наук” [21, 22] и естественно-историческом сборнике “Природа” [28, 29, 32]. А.П. Павлов отмечал, что этими статьями и своим учебником по геологии и палеонтологии Герман Адольфович послужил “делу распространения геологических знаний вне круга специалистов” [14, с. 34]. Наиболее яркой из его научно-популярных статей представляется “Поездка к вулканам Италии”

[28]. Статья была написана под впечатлением путешествия в Италию, которое Траутшольд предпринял летом 1872 г. Это взгляд на Италию не только обычного путешественника, но и геолога. Как путешественник он описывает природу Италии, ее жителей, и, говоря о Риме, замечает, что его “несправедливо именуют вечным городом. Вечность с 753 г. до Р.Х. по наши дни! Иронией звучит такая фраза у ху геолога”. Но тут же пишет, что “вечной красоты там много”. Как геолог и музейный работник он восхищается каменным убранством собора Святого Павла: “Вряд ли где можно встретить такое удивительное разнообразие камней, как в храме San Paolo fuori le mura. Необычайной роскошью малахита и мрамора блещут алтари, а стены между пилистрами выложены блестящими полированными плитами серого мрамора, желтоватой и зеленоватой брекчии, в которые как бы в тройные рамы вставлен темно-красный порфир. Все пять приделов обставлены четырьмя рядами великолепных монолитов гранита, а при входе останавливают всякого посетителя чудные колонны из египетского алебастра. <...> Своей окраской и различными рисунками производит он необычайный эффект. Да и освещение в этой церкви лучше, чем во многих других храмах... Если поэтому, со временем благости не будет течь таким обильным ключом, как доселе, если со временем папа не будет в состоянии поддерживать прежний блеск всех великолепных храмов в Риме, то храм Павла мог бы сделаться очень хорошим минералогическим музеем, стены и колонны которого могли бы быть довольно поучительными. Во всяком случае эти залы были бы светлее зала известного зоологического музея в одном из университетов севера, где в окнах деревянные решетки проливают волшебный полусвет, так что можно подумать, не желали ли придать этому помещению характер святилища слишком усердные почитатели науки” [28, с. 273].

Затем он знакомит читателя с историей вулкана Везувий, приводит свидетельства очевидцев, наблюдавших сильное его извержение весной 1872 г., и описывает собственные впечатления от ночного восхождения на Везувий, которое он совершил в сопровождении профессора Неаполитанского университета, геолога Г. Гвискарди (G. Guiscardi). Потом он перебрался на Сицилию, поднимался на Этну и посетил университет в Палермо, где “удивлялся в университете музее научному характеру богатых геологических коллекций” [28, с. 300]. Побывал на о. Вулкано, “исходил по всем направлениям” о. Липари [28, с. 304]; осмотрел о. Стромболи — самый северный из группы Липарских островов, “который привлекает геолога больше всего. В Европе это единственный постоянно действующий вулкан” [28, с. 305]. Траутшольду, видимо, хотелось самому увидеть, как действует вулкан. Но “летом на итальянских сценах не играют; Стромболи тоже опустил свой занавес. Во всех учебниках Стромболи считают

непрерывно действующим вулканом, и сам Гумбольдт в своем Космосе без конца толкует об этом, передо мною же вся деятельность вулкана ограничилась тем, что из него вытекло несколько лавы” [28, с. 308]. Рассуждая о теориях образования вулканов, описывая продукты вулканических извержений: лаву, лапиллы, пепел, автор заключает статью словами: “Познать сущность свирепых и страшных сил природы не значит ли перестать их бояться, не значит ли в половину укоротить их” [28, с. 317].

Интересной, на наш взгляд, является историко-биографическая работа Г.А. Траутшольда, посвященная 100-летию со дня рождения А. фон Гумбольдта [23]. Здесь он, размышляя о космополитизме, писал, что “Гумбольдт был вполне космополит, и кто не позавидует ему, что его одинаково прославляют и чтят все народы? Он трудился и работал на пользу всех народов, а потому ему в награду и их благодарность. Любовь к отечеству бесспорно одна из лучших добродетелей; но патриотизм или любовь ко всему свету, стремящаяся к умственному и нравственному благосостоянию, к счастью всего человечества, несравненно возвышеннее, божественнее. Истинно великие люди никогда не имели в виду только выгод их дома, сословия или народа, а желали всеобщего благосостояния. Таков был и Гумбольдт” [23, с. 8]. В этой работе Траутшольд провел интересную параллель между Наполеоном Бонапартом и Александром фон Гумбольдтом. Оба они родились в один год, были щедро одарены от природы и стремились к высшим целям. Но Бонапарт стремился “к благосостоянию и счастью не всего мира, а только своему собственному; себя выдвигал он на первый план, а другие служили ему только средством для его возвышения. Бонапарт был, правда, патриотом и желал величия своей родины... Всего же больше он был патриотом самого себя, и тот патриотизм поглотил в нем остальные патриотизмы, ибо блеск его семейства должен был усиливать его собственный блеск, а величие его родины только его поставить на недосягаемую высоту” [23, с. 8—9]. Гумбольдт же “не искал власти и старался не возвышать себя над другими, за то тем охотнее поставили его другие на высшее место” [23, с. 9—10]. Характеризуя Гумбольдта как ученого, Траутшольд констатирует, что “Гумбольдт отличается от других естествоиспытателей преимущественно тем, что он старался обнять природу как нераздельное целое, и в связи с этим целым изображал каждое ее явление. Его обширный ум владел необыкновенно богатым и разнообразным материалом; каждому ряду явлений умел он указать надлежащее место и обладал особым даром соединять общее с частным” [23, с. 10].

Деятельность Г.А. Траутшольда в МОИП. А.П. Павлов отмечал, что Г.А. оставил в жизни МОИП “прочную и благодарную память. Это был один из самых деятельных членов Общества, очень часто

делавший доклады о своих работах и печатавший их в изданиях Общества, начиная с 1858 г.” [14, с. 32]. В декабре 1867 г. Траутшольд был избран “в должность консерватора геологических и минералогических коллекций” [17, с. 32]. Общество располагало тогда не только библиотекой, портретами естествоиспытателей и врачей, но и собраниями насекомых и “московских окаменелостей” [17, с. 31]. С 1872 по 1886 г. Траутшольд был секретарем Общества. В апреле 1873 г. Траутшольд, получив статью начинавшего палеонтолога В.О. Ковалевского об анхитерии, сообщил о ней на заседании Общества. В протоколах заседаний записано, что “господин Траутшольд сделал доклад о новой работе г. Ковалевского, профессора из Киева, об остеологии *Anchitherium* — промежуточной форме между *Palaeotherium* и *Hipparrison*” [53, с. 11]; осенью 1875 г. на одном из заседаний Траутшольд продемонстрировал фрагмент “лиственницы, который пребывал в течение 40 лет в одной из медных шахт Нижнего Тагила и на котором осел слой металлической меди” [54, с. 130].

В 1888 г. Герман Адольфович был избран почетным членом МОИП.

Последние годы жизни. В 1888 г. Г.А. Траутшольд покинул Россию и переехал сначала в Бреслау (ныне г. Вроцлав, Польша), затем во Фрайберг, позже в Карлсруэ (Германия) [8]. Выбор Бреслау, видимо, был не случаен. В университете Бреслау преподавал Ф. Ремер (F. Römer), с которым его связывали как дружеские, так и профессиональные отношения. В 1890 г. Ремер описал из коллекции Траутшольда по уникальному экземпляру новый род и вид колеоидного головоногого *Plagioteuthis moscowiensis* из оксфорда окрестностей Москвы.

Из Бреслау Г.А. Траутшольд писал А.П. Павлову летом 1893 г.: «Многоуважаемый Алексей Петрович! Псылаю на почту в одно и то же время с этим письмом пакет рисунков, принадлежащих моему сочинению “Le Neocomien de Sably en Crimée”. Покойный председатель Московского общества испытателей природы Ренар, часто будучи весьма бережливым на деньги, отказался отпечатать десять таблиц, предлагаемых мною для названного моего сочинения, и вследствие этого отказа я был обязан ограничиться пятью таблицами с фигурами одних кораллов. Рисунки, находящиеся в пакете, именно те пять таблиц, не принятых Ренаром для отпечатания. Так как эти рисунки остались без употребления, то предпочитаю послать их Вам. Ископаемые, по которым эти рисунки сделаны, вошли в собственность палеонтологического кабинета Московского университета, их место соответственное рисунков под ископаемыми, изображения которых они представляют. Я, впрочем, предоставляю Вам назначить им место как Вам угодно, или пользоваться ими как Вы хотите. В Вашем последнем письме Вы мне дали надежду, что скоро появятся возражения на мою статью “Gletscher in Russland” со стороны русских

глициалистов. Кроме нашего бюллетеня и записок Петербургского минералогического общества я ничего не получаю, но надеюсь, что авторы возражений, явившихся в других изданиях, не будут преминовать прислать мне отдельных оттисков. В заключение прошу покорнейше уведомить меня о получении пакета с рисунками. С искренним приветом Вам и Вашей супруге от нас обоих Истинно уважающий Вас Г. Тр.» [2, л. 4—5].

Не позднее 1897 г. Траутшольд переехал в Карлсруэ. Н.П. Вишняков во время своего путешествия по Европе в 1897 г. специально заезжал на три дня в Карлсруэ для свидания с Г.А. Траутшольдом. И Вишняков, и Павлов поддерживали с ним переписку. Поэтому Герман Адольфович был в курсе событий, касающихся геологии в России. Н.П. Вишняков вспоминал: “Я приканчиваю все разделы по изданию Германовской коллекции. Траутшольд, вызвавшийся держать корректуру, оставляет массу ошибок <...> Что делать <...> Стар Траутшольд” [35, л. 167]. [Здесь речь идет о минералогической коллекции Р. Германна, хранящейся в настоящее время в Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского РАН. — Прим. авт.]. Там же Николай Петрович отмечает, что письма за Траутшольда пишет его “бонна”, а сам он только подписывается.

В архиве А.П. Павлова сохранилось письмо Г.А. от 13 марта 1902 г., написанное по-французски женской рукой и только подписанное Траутшольдом. В письме Герман Адольфович благодарит А.П. Павлова за присланную работу: “Я только что получил Вашу новую работу. Я Вам за нее очень благодарен. Вы доставили мне большое удовольствие, предоставив ее мне, несмотря на результаты Ваших исследований объекта, который меня самого очень занимал. Я еще не все прочитал, но вижу, что Вы затронули предмет очень основательно, и что Вы даете читателю представление об истинном взгляде на объект и современное положение вещей. Я Вас уверяю, что все это меня живо интересует”. А вот последние фразы его письма: “Искренний привет Вам и Вашей супруге Марии. Простите, что не писал до этого. Мое здоровье слабое и я страдаю от перемен моего состояния. Еще раз тысячу раз спасибо. Пожимаю Вам руку” [2, л. 1—2].

Герман Адольфович Траутшольд скончался в Карлсруэ 23 октября 1902 г. В газете “Русские ведомости” 4 ноября того же года появилась публикация “Памяти Траутшольда”. Ее автор, публицист А.Н. Петунников, писал о Траутшольде: “Кому доводилось иметь с ним дело, тот поражался двум очень резко бросавшимися в глаза чертам: необыкновенным добродушием этого человека и удивительно светлым настроением духа, никогда не омрачившимся даже в тяжелые минуты жизни. Это был милый собеседник, умевший бойко и оживленно говорить, с явным оттенком живого тонкого юмора; это был интересный корреспондент, умевший легко,

ясно и увлекательно писать и в то же время — серьезный, строгий, педантичный ученый, которым могла гордиться Петровская академия в свое время” [16].

А.П. Павлов в своей речи, посвященной памяти Г.А. Траутшольда и произнесенной им на заседании МОИП 14 ноября 1902 г., сказал о нем то же, что Траутшольд когда-то сказал о своем предшественнике Ауэрбахе: “Он страстно любил свою науку... Это был человек со свежей головой и ясным умом; удивительно ли поэтому, что он любил науку, которая проливает столь яркий свет на чудеса творенья и открывает возможность беспрепятственно проникать духовным взором в отдаленнейшие области!” [14, с. 37].

Авторы этой статьи вполне согласны с оценкой научной деятельности Г.А. Траутшольда, данной Н.П. Вишняковым. “Я убежден, — писал он в своих дневниках, — что не оскорблю памяти Траутшольда, если скажу, что он не был ни всеобъемлющим ученым, ни великим специалистом. Но он бесспорно был хорошим ученым и большим работником <...> То, что он сделал для познания России, за глаза достаточно, чтобы имя его осталось в науке навсегда” [36, л. 5].

Судьба коллекций Г.А. Траутшольда. Покидая в 1888 г. Россию, Траутшольд был вынужден продать часть своего обширного палеонтологического собрания. С.Н. Никитин писал [10], что большую коллекцию ископаемых организмов по юре и мелу купил Страсбургский университет (Франция). Оригиналы к первым, наиболее важным работам по окрестностям Москвы и Елатымы приобрела Политехническая школа в Лиссабоне (Португалия). В 1888 г. г. Траутшольд передал в геологический кабинет Московского университета коллекцию “неокомских ископаемых из Крыма и коллекцию ископаемых донецкой юры” [18, с. 78].

К большому сожалению, коллекции, проданные Траутшольдом за границу, можно считать утраченными. В Национальном музее естественной истории в Лиссабоне, который унаследовал коллекции Политехнической школы, во время пожара в 1978 г. сгорела вся учетная документация и сильно пострадала экспозиция аммонитов в систематической палеозоологической коллекции. “Среди оставшихся классических образцов мы не обнаружили поступивших из России. В отделе палеонтологии позвоночных среди образцов, уцелевших в пожаре, три позвоночных определены как *Ictyosaurus intermedius* из Мневников, Россия. Однако мы не можем сказать, каким образом они были приобретены музеем, поскольку описи и другая документация, касающаяся этой коллекции, уничтожены упомянутым пожаром”. Такой ответ был нами получен в 2000 г. от проф. Г. де Карвалю (Galopin de Carvalho), директора Национального музея естественной истории. Неутешительный ответ получен и из Страсбурга от Ж.-К. Хорренбергера (Jean-Claude Horrenberger) в 2000 г. Он сообщил, что первая и вторая мировые войны, а также пожар 1967 г. уничтожили коллекции.

В Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского РАН хранятся монографические коллекции к работам Г.А. Траутшольда — “Der Klinische Sandstein”, 1871; “Ueber eine Ichtiosaurus-Flosse aus dem Moskauer Kimmeridge”, 1878; “Le Néocomien de Sably en Crimée”, 1886, а также единичные образцы к публикациям “Ueber die Kreide-Ablagerungen im Gouvernement Moscou”, 1861; и “Zur Fauna des russischen Jura”, 1866; “Die Kalkbrüche von Mjatschkowa...” 1874, 1876, 1879. Кроме этого музей располагает обширными коллекциями, собранными Г.А. Траутшольдом из юрских и каменноугольных отложений окрестностей Москвы, а также беспозвоночными из мезозойских отложений Западной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Российской академии наук. Фонд 48. Оп. 2. Д. 107.
2. Архив Российской академии наук. Фонд 48. Оп. 2. Д. 109.
3. Барбот-де-Марни Н. Геогностическое путешествие в северные губернии Европейской России // Зап. Спб. Минер. о-ва. Вторая сер. Ч. 3. 1868. 448 с.
4. Давиташвили Л.Ш. В.О. Ковалевский. М.; Л. 1946. 419 с.
5. Журналы заседаний Совета Петровской земледельческой и лесной академии за 1868, 1869 и первую половину 1870 г. М., 1876. 254 с.
6. Журналы заседаний Совета Петровской земледельческой и лесной академии за 1871 г. М., 1872. 159 с.
7. Каблуков И. Владимир Федорович Лугинин. Некролог // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского Университета за 1911 г. М., 1912. С. 92—121.
8. Криштафович Н.И. Г.А. Траутшольд. Некролог // Ежегодн. по геол. и минер. России. 1903. Т. 4, вып. 10. С. 71—79.
9. Милашевич К.О. Геологические исследования, проведенные летом 1878 года в юго-западной части Костромской губернии // Мат-лы для геол. России. 1881. Т. 10. С. 133—198.
10. Митта В.В., Стародубцева И.А., Сорока И.Л., Кашиева М.В. Н.П. Вишняков и его работа “Description des Planulati (Perisphinctes) Jurassiques de Moscou” // VM-Novitates. 1999. N 3. 47 с.
11. Никитин С.Н. Предварительный отчет по исследованиям 1884 г. // Изв. Геол. ком. 1885. Т. 4. 1886. С. 83—111.
12. Никитин С.Н. Из поездок по Западной Европе // Изв. Геол. ком. 1888. Т. 7. № 10. 48 с. Отд. отт.
13. Никитин С.Н. О геолого-палеонтологических исследованиях К.Ф. Рулье // С.Р. Микилинский. Карл Франце-

- вич Рулье. Ученый, человек и учитель. 1814—1858. М., 1989. С. 275—282.
14. *Павлов А.П.* Памяти Г.А. Траутшольда // Приложения к протоколам заседаний Имп. московского общ. испыт. природы за 1902 г. Bull. Soc. Natur. Moscou, Nouvelle Serie. Т. 16. 1903. С. 32—37.
 15. *Павлов А.П.* Сравнительная стратиграфия бореального мезозоя Европы. М., 1965. 296 с.
 16. *Петунников А.* Памяти Траутшольда // Русские ведомости. 1902. № 305.
 17. Речи и отчеты, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета // М., 1868. 91 с.
 18. Речи и отчеты, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета // М., 1889. 179 с.
 19. *Соловьев Ю.Я.* Возникновение и развитие палеогеографии в России. М., 1966. 234 с. (Тр. ГИН АН СССР, вып. 147).
 20. *Соловьев Ю.Я., Тихомиров В.В.* Начало геологического картирования и первые палеогеографические карты в России // Очерки по истории геол. знаний. 1982. Вып. 21. С. 46—60.
 21. *Траутшольд Г.А.* Карл Риттер // Вестн. естеств. наук. 1859. № 11. С. 1319—1326.
 22. *Траутшольд Г.А., Ауэрбах И.Б.* Каменный уголь Центральной России // Вестн. естеств. наук. 1860. № 25. С. 796—804.
 23. *Траутшольд Г.А.* Гумбольдт как человек и естествоиспытатель // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1869. № 3. С. 6—14.
 24. *Траутшольд Г.* Юго-восточная часть Московской губернии. Комментарий к специальной геологической карте этой местности // Мат-лы для геол. России. 1870. Т. 2. С. 1—74.
 25. *Траутшольд Г.* Юго-западная часть Московской губернии с картой. Комментарий на специальную геологическую карту этой части России // Мат-лы для геол. России. 1870. Т. 2. С. 211—266.
 26. *Траутшольд Г.* Северная часть Московской губернии. Комментарий к специальной геологической карте этой части России (с двумя листами карты и схематическим разрезом формаций) // Мат-лы для геол. России, 1872. Т. 4. С. 129—170.
 27. *Траутшольд Г.А.* Основы геологии. Ч. 1. Геогения и геоморфия. М., 1872. 205 с.
 28. *Траутшольд Г.А.* Поездка к вулканам Италии // Природа. 1873. Кн. 1. С. 271—317.
 29. *Траутшольд Г.А.* Баку и его нефтяные источники // Природа. 1874. Кн. 2. С. 1—16.
 30. *Траутшольд Г.А.* Основы геологии. Ч. 2. Палеонтология. М., 1875. 244 с.
 31. *Траутшольд Г.А.* Основы геологии. Ч. 3. Стратиграфия. М., 1877. 220 с.
 32. *Траутшольд Г.А.* Значение геологии для землемерия // Природа. 1877. Кн. 1. С. 84—98.
 33. Центральный исторический архив Москвы. Фонд 228. Оп. 1. Д. 317.
 34. Центральный исторический архив Москвы. Фонд 228. Оп. 2. Д. 177..
 35. Центральный исторический архив Москвы. Фонд 1334. Оп. 1. Д. 9.
 36. Центральный исторический архив Москвы. Фонд 1334. Оп. 1. Д. 34.
 37. *Шуровский Г.Е.* История геологии Московского бассейна // Изв. о-ва любителей естествозн., антропол. и этнографии. 1867. Т. 1, вып. 2. 143 с.
 38. Энциклопедический словарь // Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Т. 33A (п/т 66). СПб., 1901. С. 737.
 39. *Eichwald E.* Der Grundsand in der Umgegend von Moscwa // Bull. Soc. Natur. Moscou, 1861. Т. 34, N 3. P. 278—313.
 40. *Eichwald E.* Fauna und Flora des Gründsandes der Umgegend von Moscwa // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1862. Т. 35, N 2. P. 355—411.
 41. *Trautschold H.* Recherches géologiques aux environs de Moscou. Le grès d. Katelniki // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1858. Т. 32, N 4. P. 546—560.
 42. *Trautschold H.* Recherches géologiques aux environs de Moscou. Couche jurassique du eimetiere de Dorogomilof // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1859. Т. 32, N 3. P. 109—121.
 43. *Trautschold H.* Recherches géologiques aux environs de Moscou. Couche jurassique de Galiowa // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1860. Т. 33, N 4. P. 338—361.
 44. *Trautschold H.* Recherches géologiques aux environs de Moscou. Couche jurassique de Mniovniki // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1861. Т. 34, N 1. P. 64—94.
 45. *Trautschold H.* Recherches géologiques aux environs de Moscou. Fossiles de Kharachovo et supplement // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1861. Т. 34, N 3. P. 267—277.
 46. *Trautschold H.* Der Moskauer Jura verglichen mit dem Westeuropäischen // Zeitschr. d. D. Geol. Gesell. 1861. Bd 13. S. 361—452.
 47. *Trautschold H.* Ueber die Kreide-Ablagerungen im Gouvernement Moscou // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1861. Т. 34. N 4. S. 432—457.
 48. *Trautschold H.* Nomenclator Paleontologicus der jurasischen Formation in Russland. Mit 1 Karte // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1862. Т. 35, N 4. S. 356—407.
 49. *Trautschold H.* An Herrn Roth // Zeitschr. d. D. Geol. Gesell. 1865. Bd 17. S. 448—456.
 50. *Trautschold H.* Zur Fauna des Russischen Jura // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1866. Т. 39, N 1. S. 1—24.
 51. *Trautschold H.* Einige Crinoideen und andere Thierreste des jüngeren Bergkalks im Gouv. Moscou // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1867. Т. 40, N 3. S. 1—49.
 52. Séances de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. Séance du 19 April 1873 // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1873. Т. 46, N 3. S. 11.
 53. Séances de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. Séance du 16 Octobre 1875 // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1875. Т. 49, N 4. S. 130.